

18+

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЯЦЮК

Под властью вампира

КНИГА 1

Александр Павлович Яцюк

Под властью вампира. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63077148

ISBN 9785005170644

Аннотация

Вот ловко я провела Сережку! Ну и глуп же он...Вчера он, конечно, опять изволил явиться под мое окно – «спасать меня». От чего?! К счастью, Рахмаэль опередил его и успел научить меня, как я должна держать себя. Летучей мышью (счастливые! Они обладают даром превращения) он взлетел на карниз. А я по его приказанию разыграла маленькую комедию.Сережка поверил, что я больше не впущу оборотня, что я «освободилась от его власти», и пришел в неопиcуемый восторг. Ах, дурак, дурак!

Содержание

ПОД ВЛАСТЬЮ ВАМПИРА	5
1	7
3	12
4	16
5	20
6	25
8	33
9	37
10	43
12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Под властью вампира

Книга 1

Александр Павлович Яцюк

© Александр Павлович Яцюк, 2020

ISBN 978-5-0051-7064-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-7065-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОД ВЛАСТЬЮ ВАМПИРА

Вместо предисловия

Я не стану уверять вас в истинности этой невероятной истории. Нет, я только расскажу вам все, что мне известно. А там – судите сами. Началась она в дореволюционное время и если вы жили тогда в К., то, конечно читали в местных газетах об аресте доктора Лукомского, одного из самых популярных врачей в городе. Он обвинялся в покушении на убийство, убийство женщины.

Да этот случай отметила и иногородняя пресса, в виде кратких сообщений. Наша же трепала на все лады имя Лукомского. Когда одна из газет сообщила, что обвиняемый дал на первых допросах показания, заставляющие сомневаться в его умственных способностях, то другие завидуя осведомленности конкурента, принялись высмеивать его.

Тут были и авторитетные обвинения Лукомского в симуляции, и возмущенные вопли о наглom издевательстве над правосудием и ехидные намеки на состояние умственных способностей редактора-конкурента. Все это публика поглощала с жадностью, обсуждала, комментировала... Дело возбудило большой шум в городе и все с нетерпением ждали его разбирательства.

Но, вот однажды, краткая заметка оповестила читающую

публику о том, что все показания и поведение арестованного заставили прокуратуру прибегнуть к врачебной экспертизе. Затем, мы прочли, что Лукомский помещен в психиатрическую лечебницу на испытание. И, наконец, узнали, что самые известные психиатры признали его душевно-больным.

Дело, обещавшее сенсационный или, по крайней мере, пикантный процесс, было направлено к прекращению. Широкие слои публики поговорили еще немного о нем и стали забывать. Но тем, кто так или иначе близко стоял к судебскому миру, было известно многое, не дошедшее до ушей посторонних.

И, вот, нашлись люди... впрочем, я забегаю вперед. Об этом – после. Итак, я приступаю к моему рассказу. Он целиком взят мною из бумаг и со слов судебного следователя, ведшего предварительное следствие. Я ничего в нем не изменил (кроме фамилий и названий местностей) и решительно ничего не прибавил от себя. Но так как доктор Лукомский во время допросов всегда сильно волновался, то речь его часто становилась прерывистой и бессвязной. Случалось, что он повторялся, иногда забегал вперед... Это, конечно, помешало бы цельности впечатления. Я постарался устранить, по мере возможности, эти недостатки, чтобы получился последовательный, законченный рассказ. Вот он.

1

Вы спрашиваете, что толкнуло меня на «преступление», почему я хотел убить эту женщину. О, поверьте, на человека, а тем более, на обыкновенную, настоящую женщину моя рука никогда бы не поднялась. Никогда...

Но она не женщина, нет... Это – чудовище! Одно из любимейших детей дьявола... Ее надо убить, надо!

Вы мне не поверите, я знаю... Ведь, я и сам когда-то не хотел верить. Но вы требуете, чтобы я говорил? Хорошо же, слушайте... Тринадцать лет я молчал... Тринадцать лет хранил эту ужасную тайну в глубине своей души... хранил, изнемогая порой под ее тяжестью... Теперь я разделю ее с вами.

Был у меня когда-то единственный, настоящий друг, Сережа Домбровский. Наша дружба началась еще на гимназической скамье и продолжалась в университете. Жили мы в одной комнате, небогато, но весело и интересно. Распространяться об этом не буду, вы знакомы со студенческой жизнью.

Мой отец был довольно крупным провинциальным чиновником, но больше двадцати пяти рублей в месяц он высылать мне не мог. Представительство и открытый образ жизни требуют денег, а он кроме жалованья ничего не имел.

Домбровский потерял своих родителей еще в детстве. Со-

гласно последней воле его покойного отца, он должен был вступить во владение оставленным ему наследством лишь по окончании им университета или же достижения двадцатипятилетнего возраста. До тех пор Сережа получал ежемесячно всего лишь по тридцать рублей из рук своего попечителя.

На лето мы, обыкновенно, разъезжались, я – к родным, Сережа куда-нибудь на кондизию. Так было и в тот роковой год, когда мы перешли на четвертый курс. Домбровский получил урок (он был математиком) по газетному объявлению в Бессарабской губернии, я же, повидавшись со своей семьей, отправился на эпидемию в местечко Джанково, недалеко от Киева.

Расстались мы легко и просто, как думали тогда, до осени. Он должен был освободиться недели за три до начала университетских занятий и мы с ним рассчитывали провести это время в моей семье.

Скоро я получил длинное письмо от своего приятеля, в котором он подробно описывал первые впечатления, произведенные на него семьей принципала и новой обстановкой. По его словам сам Артемий Григорьевич Аратынский представлял собою тип деятельного помещика, порядком таки отставшего от городской культуры и огрубевшего, как все, кто близко подойдет к земле.

Жена его, Татьяна Павловна, обозленная, преждевременно угасающая женщина, уже несколько лет, как прикована

к креслу на колесиках параличем ног. Детей у этой четы было двое: дочь Ирина, семнадцатилетняя девушка, только что окончившая институт и десятилетний сынишка Боря, благодаря которому Домбровский и попал в Аратыновку.

О своем ученике Сергей упоминал лишь вскользь, в нескольких словах. Зато о сестре его расписался чуть ли не на четырех страницах, восторженно восхваляя красоту девушки, ее живую грацию, милую наивность, мечтательный ум и чудесную душу. Дальше он писал :

«Но, знаешь, дружище, когда я обменялся с ней первым рукопожатием, случилось что-то странное. То есть, не то, чтобы реально-странное, нет, а просто было такое минутное впечатление.

Это произошло в саду (прекрасный у них сад!). Мы с Аратыньским шли по дорожке (он спешил куда-то и на ходу объяснял мне мои будущие обязанности), как вдруг два куста раздвинулись и оттуда выпорхнуло ослепительное видение, юная, очаровательная фея.

– А-а! Ирочка! – ласково для такого медведя произнес Артемий Григорьевич и добавил в мою сторону: – Это моя дочурка. Знакомьтесь.

Заинтересовавшись чем-то на корявом стволе какого-то дерева, он свернул на траву. Я стоял, как болван, восхищенный и немой. Она улыбнулась (какая у нее улыбка, если б ты видел!) и протянула мне свою маленькую ручку. Я покраснел, как осел и поспешил пожать ее. И вот в это то мгнове-

ние внезапно наступила странная, глубокая, полная тишина, может быть, именно вследствие своей неожиданности показавшаяся такой жуткой.

Замолчали птицы. До того шумно возившиеся, щебетавшие и певшие на все лады, прекратили свою трескотню кузнечики, замолчал и шмель, гудевший около нас, даже ветер упал и деревья замерли. Казалось, природа насторожилась и чутко прислушивается к чему-то страшному.

Я, как тебе хорошо известно, Гришуха, ни в предчувствия, ни в какую другую чертовщину не верю. Но, можешь смеяться, если хочешь, а я признаюсь тебе, что в этот момент ощутил какое-то непонятное беспокойство, мне вдруг стало тоскливо и жутко, как перед лицом надвигающейся опасности.

Вижу, – и в глазах Иры, в ее дивно-прекрасных глазах не смех уже лукавый, а испуг. Наши руки невольно разжались.

Все это продолжалось недолго, несколько секунд, вероятно. Артемий Григорьевич, подходя к нам, заговорил своим громким, уверенным голосом о каком-то жучке-вредителе. И колдовство было снято. Вновь запели птицы, зашумели деревья»...

Дальше опять шли славословия Ирине Аратынской. Я мог бы повторить каждое слово, так как знаю их наизусть, письма моего бедного друга, но это лишнее. Вы прочтете потом сами, а я буду приводить лишь необходимые выдержки

из них.

Отдав дань восхищения красоте молодой девушки, Сергей писал мне :

«Комнату отвели мне большую, обособленную, но мрачноватую. Два окна из нее выходят в сад, а два во двор, но перед всеми четырьмя растут высокие, старые, пышные липы.

Света, собственно, не мало, но, проходя через листву деревьев, он приобретает какой-то странный, зеленоватый оттенок. Мне кажется, что подобное освещение должно быть под водой, на дне моря, где неглубоко. Или же за толстым бледно-зеленым стеклом.

И, я думаю, от этого мебель и вся комната имеют такую угрюмую, печальную физиономию. Не то они видели что-то ужасное и не в состоянии забыть, не то – молчаливо и покорно ждут его, неизбежного.

Ей-ей, если бы я хоть немного верил в сверхчувственный мир, то, наверное, вообразил бы себе, что мне здесь что-то грозит, какая-то опасность и что надо немедленно бежать отсюда. Но так как я не верю, то остаюсь здесь, ем и пью исправно, наслаждаюсь чудеснейшим воздухом и – обществом очаровательнейшей из девушек, чего и тебе желаю.»

Так заканчивалось первое письмо Домбровского. Из этих отрывков вы видите, что он обладал здоровым, ясным умом, чуждым мистики и того, что люди зовут «суеверием».

3

Следующие письма были наполнены исключительно восторженными описаниями необыкновенных достоинств Ирины, ее «золотого» сердца, «светлой» головки, «божественных» взоров и улыбок. Читая все эти излияния, я только посмеивался, прекрасно зная увлекающуюся натуру моего друга.

Не раз он уже влюблялся, с места в карьер наделяя свой минутный кумир всевозможными привлекательными качествами в превосходной степени. Разочарование наступало более или менее быстро, но решительное и бесповоротное.

Поэтому я и теперь не придавал никакого значения новому роману моего друга. По обыкновению всех приятелей, я отвечал ему в шутовском тоне, стараясь поскорее охладить пыл влюбленного. Но, к несчастью, тут дело оказалось серьезнее...

На его просьбы прекратить насмешки над тем, что для него свято, я не обращал внимания, но когда он с подкупающей искренностью и страстностью сообщил мне, что покончит с собой, если эта девушка не согласится стать его женой, мною впервые овладела тревога. Было что-то такое в этих торопливо, наскоронаброшенных словах, что заставило меня почувствовать в них правду.

Понятно, я тотчас же засел за ответ ему. Насколько мог

красноречиво и убедительно взывал к его благоразумию, просил и требовал, что бы он взял себя в руки и не спешил с предложением, не решался бы на такой важный шаг, пока не узнает Ирину больше. Ведь, они так недавно познакомились...

Но мои советы, конечно, не остановили шагов судьбы. Очень скоро пришло новое письмо, ликующее, бессвязное, все усеянное восклицательными знаками и многоточиями.

Ириночка любит его! Она любит его!.. Это такое счастье, такое счастье... Нет, он не заслуживает этого! Эта необыкновенная, эта редкая, лучшая из всех девушка будет его женой!.. О, не слишком ли он счастлив?.. и т. д. и т. д.

Итак, Сережка Домбровский женится... Кто же она? Обладает ли его невеста хоть в скромной доле теми качествами, которые находит в ней он? Или же злая шутница-любовь, по своему обыкновению, одурачила его? Будет ли он, действительно, с нею счастлив?

Такая скоропалительность – плохой залог счастья. Я сомневался в нем и в то же время был огорчен за себя, так как знал. Что когда приходит любовь, дружба должна почтительно посторониться и уступить ей место.

Мое поздравление вышло довольно холодно, но не притворяться же мне было обрадованным... Однако, Сережу это не обидело и не рассердило. Он тепло поблагодарил меня и добавил :

«Ты дуешься на меня, Гриша, но напрасно. Увидя Ири-

ночку, ты поймешь, что ее нельзя не любить, и сам полюбишь ее, как сестру. Предсказываю это тебе заранее».

После этого я получил от него еще два послания, полных любовного бреда. Затем, после короткого перерыва, пришло одно, печальное, пестревшее недомолвками, местами дышавшее почти отчаянием. Поссорились, подумал я с облегчением. Очевидно, Сережка уже начал разочаровываться. А он, между тем, опять замолчал. Невольная горечь закралась в мое сердце. Столько лет настоящей, крепкой дружбы, столько вместе прожито и передумано... Но, вот, явилась какая-то черноглазая девушка – и все пошло насмарку. Обидно было.

Каково же было мое изумление, когда получив, наконец, письмо от Домбровского, я прочел следующее:

«Гриша, Гриша! Скажи мне, что я сошел с ума... Что я брежу, галлюцинирую... Что их нет, не может быть! Ах, да ведь я же видел, видел собственными глазами!.. и она подтвердила все...

Ты, конечно, слыхал о вампирах? О мертвецах, пьющих по ночам кровь живых людей? Ты в них не веришь, не правда ли? А они существуют. Они существуют... Это не легенда, не миф... Нет, это страшная явь. Явь, понимаешь?

А, может быть, я и в самом деле болен и они лишь плод моего расстроенного воображения? О, если бы было так!

Но, нет, нет! Я здоров. К несчастью, здоров, как всегда. Как бы я хотел умереть!... Но что тогда будет с несчастной

Ирой? Она погибнет... И как погибнет!

Нет, я должен ее спасти, должен. Во что бы то ни стало!.. Но, как, как?.. Я решительно не в состоянии ничего придумать. Мысли мешаются... Помоги же, друг, посоветуй что-нибудь... Умоляю тебя!

Твой несчастный Сергей».

Понятно, я не верил в вампиров и, перечитывая этот злополучный листок, испуганно недоумевал: что это? Глупая шутка? Нет, слишком непосредственно написано, видно, что вылилось из души. Да и не способен на такие шутки Сережа.

Но тогда... Неужели же он сошел с ума?! Так внезапно... Не имея никакого предрасположения к этому... И почему же Аратынские, зная, что я – самый человек Сергею, не уведомят меня об этом несчастье? Впрочем, возможно, что они еще напишут... Ужасное ожидание! Не взять ли отпуск и съездить туда? А если это мистификация? Да Сережка потом засмеет меня...

пока я колебался и раздумывал, прошло несколько дней. И, вот, вернувшись однажды из барака, я снова увидел знакомый конверт. Уже почерк, которым он был надписан – торопливый, нервный, небрежный, заставил меня понять, что дело с моим другом, наверно, плохо. Одним движением вскрыв письмо, я поспешно развернул его и прочел :

«Гриша! Друг! Брат! Помоги!.. Помоги спасти Иру! Я не сумасшедший, нет, как ты сам убедишься в этом. Она гибнет на моих глазах. Но один я бессилен. Именем нашей дружбы, именем твоей матери умоляю тебя, приезжай немедленно! Дело идет о человеческой жизни. О двух жизнях, потому что если она погибнет, я не переживу этого. Приезжай же, приезжай! Дорог каждый час...

Твой несчастный Сергей».

– Еду, мой несчастный друг, – громко сказал я, засовывая письмо в карман. Для меня не оставалось больше сомнения, что Домбровский заболел психически. Что послужило этому причиной, – не важно. Там узнаю. А пока – в дорогу.

Взглянув на часы, я увидел, что до ближайшего поезда остается больше двух часов, – больше, чем достаточно для того, что бы собраться. Прежде всего я пошел к старшему врачу просить отпуск, решив в душе, в случае отказа махнуть рукой на все и уехать без разрешения. Но мне его дали

беспрекословно. Эпидемия заметно шла на убыль и увеличенному штату больницы нечего было делать. Быстро уложив все необходимое в ручной саквояж, я отправился на вокзал.

– Бедный, бедный Сережа! Неужели же его болезнь неизлечима? И что могло вывести из равновесия его трезвый, здоровый рассудок? Какой удар, какое потрясение так повлияли на него? Уж не изменила ли ему эта «дивная фея»? Каким найду я его? И неужели же он безнадежен?... – Всю дорогу мучили меня эти вопросы... Но ответа на них я, конечно, найти не мог.

На следующее утро я сошел на ближайшей к имению Аратынских станции. Это был уездный город Тетеревинск, пыльный. Безлюдный, сонный. Таким он, по крайней мере, показался мне.

Взятый мною на вокзале извозчик был испитой, тщедушный парень, болтавшийся, как высохшая куколка в коко-не, в широчайшем, до пят, балахоне цвета верблюжьей шерсти. Обрадованный, вероятно, редким счастьем заработать несколько рублей, он с дикой стремительностью промчал меня через весь город, пугая многочисленных собак и редких прохожих.

Экипаж, громоздкий и неуклюжий, невиданного мною фасона, дребезжал, гремел, скрипел и метался из стороны в сторону, как бы угрожая рассыпаться на свои составные части. Я недружелюбно и не особенно доверчиво оглядывал

его, цепляясь руками за что попало и тщетно стараясь покрыть своим голосом производимый шум.

Мой возница, то и дело привставая, с увлечением нахлестывал лошадей, громко покрикивая на них. Мне удалось обратить на себя его внимание только тогда, когда мы съехали с мостовой и, понеслись по мощеной улице. Это было уже в предместье. Балахон, натянув вожжи так, что лошади почти сразу остановились, повернулся ко мне лицом и, горделиво улыбаясь, осведомился, что мне нужно.

Вероятно, он ожидал похвал, потому что обиженно, с жаром выступил в защиту своего экипажа. Однако, обещал не мчаться больше таким аллюром. Обещание свое он сдержал и даже слишком. Всю остальную дорогу, правда очень холмистую, мы тащились почти шагом.

Надвинув пониже на лоб для защиты от солнца шляпу, я курил и нетерпеливо поглядывал в даль. Моя тревога росла вместе с приближением к Сергею. Что с ним теперь? Не хуже ли ему? Да там ли он еще?.. Не отправили ли его Аратынские в сумасшедший дом? Все возможно... Ах, хоть бы поскорее доехать!

Напрягая покрытые потом, тяжело вздувающиеся бока, лошади, не знаю, в который раз, втащили наш допотопный экипаж на вершину довольно высокого холма. Внизу, саженьях в двухстах влево от проезжей дороги раскинулась большая усадьба. Налево, немного дальше, виднелось село. Под прямыми лучами солнца крест на колокольне казался изда-

ли сияющим до боли в глазах диском.

Я, понятно, все свое внимание обратил на усадьбу. Вот она, наконец, Аратыновка. Сейчас я увижу Сережу...

За высоким, крепким забором были разбросаны разные хозяйственные постройки под соломенными и тесовыми крышами. В стороне от них, из-за зелени деревьев, краснела железная крыша длинного помещичьего дома. С трех сторон окруженного садом.

5

Мы въехали в гостеприимно раскрытые настежь ворота в большой двор, граничивший справа с садом, слева – с «черным» двором. Дом выходил сюда только фасадом, с рядом лип перед ним. По дальним углам стояли два вместительных амбара, должно быть с зерном.

Трое громадных собак, свирепо лая и потрясая цепями, заметались у своих конур, как только слышали наше приближение. При виде чужих их ярость еще усилилась, а где-то в дали им вторили невидимые товарки.

Въехав с почти городским «шиком», мой извозчик остановился у крыльца. Я соскочил на землю, с невольным удовольствием распрямляя затекшие от долгого сидения ноги и выжидательно поглядывая на окна. За ними, по-видимому, никого не было. Вот те два, крайние с левой стороны, наверное, принадлежат Сергею...

Однако, что же это никто не выходит? Меня начинало удивлять такое безлюдие. Собаки продолжали бесноваться, а дом, как будто, вымер. Уехали они все, что ли? Несчастье какое случилось? Может быть припадок с Сережей?... Или... или что-нибудь еще худшее?..

Я уже стремительно двинулся к крыльцу, когда дверь распахнулась и в ней, как в рамке, показался длинноногий, белообрый парень. Увидев незнакомое лицо, он поспешно

бросился ко мне, на ходу оправляя красную ситцевую рубашку.

Идя ему на встречу, я отметил мысленно странность его походки: он как аист, вытягивал вперед ступню, не сгибая колен. И вдруг меня почему-то осенила уверенность, что Сергея здесь уже нет. Ведь, Аратынские, в сущности, чужие ему люди...

– Вы до пана? – спросил парень, низко кланяясь. – Дак воны зараз у поли. Надоть ваам трохи почекать. Ходить, я вас проведу у хоромы.

– Нет, я к паничу, к репетитору... Что, Сергей Александрович дома? – произнес я и замер в ожидании ответа.

– Лепетитор? А, звистно, дома. Должно, с паничом Борой займаются.

Я не поверил своим ушам. Как?! Сережа занимается с учеником?! Что же тогда значат его письма?.. Мистификация? Какого же дурака в таком случае я свалял, явившись сюда!

– Занимается с Борей? – недоверчиво переспросил я.

– Эге ж. – равнодушно ответил парень, преступив с ноги на ногу.

Это была приятная неожиданность. Настолько приятная, что я заранее простил своему другу ту жестокую комедию (как я думал в эту минуту), которую он разыграл со мной, чтобы завлечь меня сюда.

Велев извозчику ожидать, пошел за своим путеводителем в дом. Он, услужливо взяв из моих рук саквояж, провел меня

в комнату Домбровского. Она, действительно, была довольно таки мрачновата.

Сбросив пыльную одежду, я с удовольствием принялся умываться, беседуя в то же время с аистоподобным парнем, которого, как оказалось, звали Митро. Желая окончательно убедиться, что Сережа здоров, я первым делом спросил у него:

– Ну, как у вас тут, все благополучно? Больных нет, все зорovy?

– Та усе. Тольки лепетитор чегось не дуже здоровы, – как будто нехотя ответил Митро.

Я перестал было намыливать шею, но тотчас же спохватился и, стараясь говорить, как можно небрежнее, произнес:

– Выдумывай больше! Он то наверно здоров. Сергей Александрович от роду не болел.

Если бы я выказал беспокойство и стал расспрашивать, Митро, наверное, молчал бы, как дерево. Но мое недоверие задело его и он возразил живей прежнего :

– Э, ни! Воны таки блидны, таки смутни стали... Мабуть, не задарма собаки, що ничь, воють...

– При чем же тут собаки? Какие глупости! – заметил я поспешно смывая мыльную пену. – так значит Сергей Александрович болен, ты говоришь?

– Та хто його зна... Должно, лихоманка прычепылась, – вновь неохотно ответил Митро и, видимо, не желая продолжать разговор на эту тему, спросил: – Може гукнуть их вам?

– А, значит, есть таки что-то! Есть! – тревожно думал я, вытирая лицо. – Но почему же ему позволяют продолжать занятия? Ничего не понимаю.

– Н-нет, не надо, – произнес я вслух. – Пусть кончает урок. А кто дома из хозяев?

– Та и стара пани дома и барышня дома.

– Ну, так ты и проводи меня к барышне.

Мне хотелось увидеться сперва с Ириной Артемьевной, услышать. Что она скажет о моем приятеле...

Молча прошли мы по коридору, потом целый ряд комнат, обставленных старинным, тяжеловатым уютом, одну длинную, полутемную, с сундуками и шкапами по стенам и обширную, но темноватую столовую, окна которой выходили на балкон. Где-то слышалась мерная трескотня швейной машинки, но нигде не было видно живой души.

Большой балкон был затянут живой и колеблющейся от ветра завесой из дикого винограда, хмеля и «крученых паничей». Спускавшиеся в сад ступеньки солнце беспрепятственно заливало своими лучами. На самой верхней, раскинув лапки и вытянув хвост, спал рыжий котенок.

В одном конце балкона стоял сервированный для завтрака стол, а в противоположном – несколько пустых стульев и кресло-качалка, занятая молодой девушкой.

– Ирина! – подумал я и с понятным интересом впился в нее взором, остано- вившись в дверях.

Она лежала, вытянув скрещенные ноги, и закинув руки

под голову. Я бы принял ее за спящую, если бы не, странная на таком юном лице, чувственная улыбка, блуждавшая на ярко-алых губах девушки. она была так погружена в свои мысли или мечты, что не слыхала наших шагов.

6

– Барышня, ось тут якийсь панич приехали, – сказал Митро, подходя ближе к качалке.

Тогда только Ирина, медленно, как бы нехотя, с сожалением, возвращаясь к действительности от милых грез, открыла глаза и посмотрела на меня. Не торопясь, с томной грацией поднялась она с кресла и звучным мягким голосом спросила:

– Вы к папе? По делу?

– Нет. Я приехал повидаться с Сережей. Разрешите представиться вам, – я назвал себя и добавил: – Прошу прощения за свое неожиданное вторжение... но я мимоездом... случайно...

Последние слова я произнес запинаясь, так как мною овладело смущение. Черт побери! Да, ведь, я не придумал никакого предлога для объяснения моего непрошеного появления в незнакомом доме... В этом виновата была моя уверенность, что сумасшествие Домбровского не тайна для Аратынских.

Теперь же я был сбит с толку, не знал, что думать и бормотал, сам не зная, что. Однако, Ирина ничего не заметила или же не так истолковала мою растерянность, потому что с нескрываемой радостью протянула мне руку и воскликнула:

– Так вы товарищ Сережи!.. Гриша Лукомский?.. Ну, так,

пожалуйста. Без церемоний. Мы здесь – люди простые и друг Сережи – наш друг. Митро, можешь уходить.

Она опять опустилась на качалку, предложив мне занять один из ближайших стульев. Я не нашел ее ни похожей на умирающую, ни красавицей, как писал Домбровский, но все же Ирина была прелестна.

Я невольно засмотрелся на ее чересчур алый рот. Было что-то слегка неприятное в этой чрезмерной алости как бы припухших губ. И -притягивающее.

– Но, скажите же, как поживает Сережа? – спросил я, удивляясь беспечному и довольному виду девушки. Неужели же эти письма были, все- таки, только мистификацией? Но, ведь, Митро говорит, что «лепетитор» нездоров... И, притом, с такой неохотой, так уклончиво...

– Почему вы об этом спрашиваете? – приостановив качалку, ответила вопросом она. – Создатель! Неужели он успел сообщить вам о своем недомогании?! Вот, не думала, что он такой мнительный!... Уж не поэтому ли вы сюда и приехали?

Ирина натянуто рассмеялась и взгляд ее на минуту стал острым и подозрительным. Я растерялся, окончательно не понимая, что тут происходит, и, с недоумением посмотрев на нее, решил держаться выжидательной тактики, пока не повидаюсь с Домбровским.

– Да он мне вовсе ничего и не писал об этом, – решительно соврал я.

– Просто, его письма вдруг стали такими странными...

для счастливого жениха. Раньше они были полны ликования по поводу доставшегося ему счастья, – тут я слегка поклонился в сторону девушки. Она, видимо успокоившись, улыбнулась и привела в движение качалку, а я продолжал: – И, вдруг, Сережка загрустил, захандрил... Я и подумал, – не болен ли он. А теперь очень рад, что ошибся. Ведь, я, собственно, заехал к вам за тем, что бы похитить его денька на три-четыре, а то и больше.

Не знаю, что меня подмывало так безбожно врать, но слова сами лились с моего языка. Ирина слушала меня внимательно, полузакрыв глаза и тихо покачиваясь.

– Проведаем одного приятеля, поохотимся на уток... А то, потом на Сережку надежда плоха. Что вы на это скажете Ирина Артемьевна? Отпустите его со мной или нет?

– Пожалуйста, хоть и совсем его заберите с собой. Он мне вовсе не нужен, – с презрительной гримаской произнесла она, загадочно посмотрев на меня.

– Но, знаете, Серж, действительно, не совсем здоров. Бледный такой стал... Папа говорит, что у него лихорадка. И я думаю, что ему охота может повредить. Не лучше ли будет, если вы это время проведете с ним у нас?

Не дожидаясь моего ответа, она тотчас же обратилась к проснувшемуся котенку:

– Киска, ты здесь? Ну, поди ко мне... Поди же!... Кис-кис-кис... Кисанька! У, какой же ты глупый!

Котенок не шел на ее зов. Это маленькое, рыжее создание,

еще сонное, разомлевшее от солнца, стояло вытаращив глазенки на молодую девушку, с таким видом, будто намеревалось пуститься в бегство. Я осторожно подошел к нему и, без всякого сопротивления с его стороны, взял на руки. Но едва я передал его Ирине, как он жалобно замыкал, пытаюсь вырваться.

– Мерси, – бросила мне она и, прижавшись к спинке пушистого зверька, стала выговаривать ему: – Ну, чего ты пищишь гадкий? И куда ты рвешься? Разве тебе плохо у меня, плохо. Скажи? Разве ты не любишь меня? Не любишь? Ну, так и я тебя не буду любить. Ты – бяка, бяка...

Затем, кокетливо выглядывая из-за рыжей спинки, она обратилась ко мне:

– Так вы остаетесь у нас, не правда ли? В нашей Аратыновке хорошо, особенно, летом. И Сережа будет так рад вам... и мы все...

– Благодарю вас, но, право, не знаю, будет ли это удобно, – нерешительно произнес я, не обращая внимания на чьи-то легкие, едва слышные шаги, приближавшиеся к нам. – Явился незванный, непрошенный...

В этот момент кто-то положил на мое плечо руку. Я обернулся – и ахнул. Передо мной стоял Сергей Домбровский, но как он изменился!

7.

Каких-нибудь два месяца тому назад это был, полный сил и молодого здоровья, жизнерадостный юноша. Теперь же я

увидел лишь слабое подобие его, моего Сережи.

На бледном, осунувшемся лице глаза казались огромными. В них затаилась глубокая неизмеримая печаль и горькая покорность, какие бывают у неизлечимо больных и осознающих это людей. Полные когда-то и свежие губы поблекли и вытянулись, углы рта опустились, плечи сгорбились.

Я вскочил, пораженный и у меня невольно вырвался взволнованный крик:

– Сергей! Дружище! Да что же это с тобой?! Ирина Артемьевна! Это вы называете недомоганием?!

Она сбросила на пол котенка, который тотчас же удрал в сад, и, быстро потупившись, смущенно пробормотала:

– Право, я не замечала, что он так плох... Знаете, когда каждый день видишь...

Мне ясно послышалось удареие, сделанное ее на слове – «так». Вообще, эта девушка удивляла меня и возмущала. Ведь, не слепа же она! Откуда же такое жестокое равнодушие – ну, не к жениху (быть может, она охладела, увидела, что ошиблась в своем чувстве и разорвала прежние отношения с ним), но хотя бы просто к человеку, живущему под одной кровлей с ней, к человеку, который все же был, хоть недолго, дорог ей?

А он, бедный мой, глупый Сережка еще так много писал мне о ее «золотом» сердце... Грубое замечание чуть не сорвалось у меня с языка, но Домбровский, мягко улыбнувшись, опередил меня, сказав:

– Ну, полно, друг, полно. Не горячись... Совсем я не так уж плох, как это показалось тебе сразу. Просто, здешний климат мне не подходит. Вот, скоро уеду отсюда и тогда, увидишь, живо поправлюсь.

Произнося эти слова, он многозначительно посмотрел на Ирину. А она, видимо обрадовавшись, подхватила:

– Да, да! Конечно, ты в другом месте скоро поправишься. Все дело в климате. А вот и мама, – добавила молодая девушка, вставая.

Я тоже услышал скрип колес по песку и недовольный женский голос, говоривший:

– Осторожней, осторожней, Митро! Куда ты спешишь? Ты этак еще вывернешь меня...

Это, оказалось, везли завтракать Татьяну Павловну Ара-тынскую. Здоровенная босоногая дивчина и знакомый мне уже белобрысый Митро ловко, привычными руками подхватили кресло с своей госпожой, внесли на балкон и подкатали к столу.

– Феклуша, почему же завтрак еще не подан? Знаете, кажется, что я не люблю ждать... Что за беспорядки! А где барин? Неужели до сих пор не вернулся? Ах, наказание!

Голос Татьяны Павловны перешел в плаксивый тон.

– Та пан юж приихалы, – флегматично произнесла Феклуша, поправляя сбившийся на сторону платок.

– Мама, а унас гость, – сообщила Ирина, подходя к ней и жестом приглашая

меня следовать за ней. – Угадай, кто.

– Что? Гость? Кто такой? Что же ты молчишь? – упрекнула Аратынская дочь, выпрямляясь и поворачивая голову.

Это была маленткая, тщедушная, вся высохшая и старобразная жньщина с желтым личиком с кулачок и старомодной наколкой на седеющих волосах. Ирина представила меня своей матери, как друга Сережи.

Та, не скрывая ссвоего разочарования, с холодной любезностью процедила обычные слова приветствия и равнодушно протянула мне сухую ручку для поцелуя. Затем, решив, очевидно, что со мною не за чем особенно церемониться, Татьяна Павловна отвернулась от меня и раздражительно спросила:

– Где же это Артемий Григорьевич? Будем мы сегодня завтракать или нет?

Ей не успели ответить, так как в эту минуту он появился собственной персоной, а за ним внесли и суповую вазу. Высокий, плотный, громоздкий, загорелый до красна, в вышитой косоворотке и чесучевом пиджаке, он казался совсем не парой своей жене.

Последовал опять обряд представления. Я начал снова извиняться за свое непрошеное вторжение, но Аратынский не дал мне даже досказать первую фразу.

– Бросьте, молодой человек. Есть о чем говрить! – решительно пребил он меня, подходя к столу и любовно поглядывая на холодную окрошку. – Мы гостям всегда рады. А вы

к тому же и друг Сережи. – он сел, заткнул за ворот сорочки салфетку и нетерпеливо поглядел на дочь, разливавшую окрошку.

Сергей ел мало, но с жадностью пил холодный квас, аппетитно пенившийся в хрустальном кувшине. Ирина и Татьяна Павловна, так волновавшаяся из-за маленького опоздания мужа к завтраку, тоже почти не дотрагивались до своих тарелок.

Я, надо сознаться, успел сильно проголодаться и отдал должную честь вкусно приготовленным блюдам. Артемий же Григорьевич ел, как-будто за всю свою семью сразу. Это, однако, не мешало ему разговаривать.

8

– Опять шельмеца Борьки нет... – начал он, утолив первый голод. – Совсе мальчишка от рук отбился... Хотя бы ты его прижучил, Сережа, – сказал он между двумя глотками и, взглянув на негшо, укоризненно заметил: – Э, да на кого же ты стал похож, братец... Здорово тебя проклятая лихорадка извела... Принимаешь хину? Нет, поди?

Артемий Григорьевич еще раз посмотрел на Домбровского, покачал головой, отдулся, вытер платком лоб, показав влажное пятно под мышкой и, принимаясь за новую порцию, посоветовал:

– Съезди – ка ты лучше, брат, в город, к доктору. О свадьбе уж и говорить нечего, ее придется отложить. Но, смотри, как бы тебе, если не будишь лечиться, не отправиться вместо венца туда, – он многозначительно махнул своей широкой рукой, как я сообразил позже, в сторону кладбища.

– Нет, зачем же откладывать свадьбу? – запротестовал Сергей. – Я буду лечиться и поправлюсь к тому времени.

– В самом деле, Сережа, у тебя очень скверный вид, – задумчиво произнесла молодая девушка, внимательно разглядывая его. – Почему ты не слушаешь папу, не принимаешь хину?

– По легкомыслию, голубушка, по легкомыслию, – ответил за него Аратынский и обратился ко мне: – Представь-

те, молодой человек, не хочет наш жених лечиться, хоть ты кол ему на голове теши... У него же лихорадка, как видите, а сней, подлой, шутить нельзя. Не-ет, нельзя!

– Артемий Григорьевич! Что за выражения? – возмутилась Татьяна Павловна.

– Виноват, не буду. И откуда эта... гадость только берется у нас? Место, кажется, сухое, не болотистое... Иногда годы проходят и никто не заболевает. А то, вдруг, несколько человек сразу... Да и того... – Он взглянул на встревоженное лицо жены и, не договорив, снова обратился ко мне: – Хоть бы вы, молодой человек, повлияли на Сережу, нас он видно в грош не ставит.

– Да, да, возьмите его в руки, Гриша, – подхватила Ирина и, лукаво улабнувшись, добавила: – Можно мне так вас называть?

– О, пожалуйста! Сделайте одолжение – ответил, понятно. Я.

– Он, негодный. Совсем меня не слушается. Папочка прав, даже мои слова для Сережи ничего не значат, – кокетничала девушка.

– Позвольте мне вам не поверить, Ирина Артемьевна, – возразил я, подвигая к ее отцу графин с квасом.

– Нет, это так, так.

– Ну, если он вас не слушается, то на что же могу надеяться я! К тому же, в моем распоряжении слишком мало времени. Меня ждет извозчик.

– О, нет! Мы вас так скоро не отпустим. Вы – единственный друг Сережи и должны погостить у нас. Не правда ли, мама, папа? А время – пустяки.

– Ах, ты, стрекоза моя! Ха-ха-ха! – захохотал Артемий Григорьевич, тяжело откидываясь на спинку стула. Время – пустяки, извольте видеть. А? Как бы не так матушка!

– Боже, как ты громко ведешь себя, Артемий Григорьевич, – болезненно сморщилась Татьяна Павловна, поднося руку к виску. – Ты оглушил меня.

– Прости, жена, виноват. Да уж очень насмешила меня наша дочурка. Но какие же это такие спешные дела призывают вас, молодой человек? Разрешите полюбопытствовать.

Я сидел напротив Сергея, Ирина – рядом с ним и она не могла видеть тех недоумевающих, полных тревоги взглядов, которые он начал бросать на меня. Бедняга, очевидно, боялся, как бы я и в самом деле не вздумал немедленно уехать отсюда.

Пришлось повторить выдуманную для Ирины историю, добавив, что я не поладил с старшим врачом и теперь еду в на другое место. А так как мне надо было проезжать мимо Тетеревинска, то я решил заехать в Аратыновку, захватить с собой Сережу и вместе с ним навестить одного товарища, живущего в соседнем уезде.

Рассказ сошел гладко, ни в ком не вызвав подозрений насчет его правдивости. Ирина продолжала уговаривать меня остаться у них на эти несколько дней, отец поддержал ее,

и я, поломавшись немного, наконец, согласился.

– Значит, остаетесь? – обрадовалась молодая девушка. – Как я рада!

– Ну, вот, давно бы так, молодой человек, – сказал Ара-
тынский, бросив на пол зубочистку и вставая из-за стола. –
Располагайтесь, как дома. А я часик сосну, да и снова в поле.
Извозчика то не забудьте отпустить...

Он зевнул и, тяжело ступая, ушел. Татьяну Павловну Мит-
ро с Феклушей снова перенесли всад и куда-то увезли. Я,
Сергей и Ирина остались втроем. Она предложила мне по-
казать сад и свести в малинник, велев девушке, пришедшей
убирать со стола, отнести извозчику деньги.

Мы шли медленно. Разговор не клеился. Сергей скоро
остановился и сказал:

– Знаете, что? Вы идите, а я тут полежу на солнышке.
Устал что-то.

– Ах, какой ты сонулька стал! – всплеснула руками Ири-
на. – Признавайся, вздремнуть захотел? – и, не дожидаясь
его ответа, разрешила: – Ну, так и быть, подремли здесь
на солнышке, а мы на обратном пути растормошим тебя.
А ну, Гриша, кто быстрее бегаешь? – весело крикнула она и пу-
стилась бежать.

Я вопросительно посмотрел на Домбровского.

– Иди за нею. Мы поговорим позже, – шепнул он, опуска-
ясь на траву. – Но, смотри, ни слова Ире о том, что я писал
тебе! Это очень важно.

Едва заметно пожав плечами, я направился по тому направлению, куда скрылась молодая девушка, размышляя: что тут делается? Где зарыта собака? Сережа не производит впечатления психически-ненормального человека. Он болен, это вне сомнения, но скорее физически. Для меня было ясно, что у Домбровского – острое малокровие и, судя по скорости его развития, опасное.

За поворотом дорожки я нашел Ирину. Она стояла, нетерпеливо ощипывая какую-то веточку и всем своим видом выражая удивление, смешанное с тревогой. При моем появлении лицо ее моментально прояснилось.

– Вы скорее бегать не умеете? – с задорной улыбкой спросила девушка.

– Это после такого-то завтрака? Помилуйте! – шутливо ответил я. Мы пошли рядом.

– Уж не хотите ли вы, как папа, поспать часок другой? – продолжала подшучивать надо мной она. – В ваши то годы... Ай-ай! И не стыдно вам?

– Ничуть, – рассмеялся я. – Некоторое время мы вели разговор в том же тоне, потом Ирина спросила:

– Ну, как вам нравится наш сад?

– Очень нравится, – искренно ответил я. —Воображаю, какая здесь прелесть весной, когда все это цветет и распус-

кается!..

Действительно, сад, или вернее сады у Аратынских очень хороши. Подле дома разбит цветник, разнообразные клумбы пестреют и благоухают все лето массой всевозможных цветов. Тут же в изобилии растут сирень, жасмин, акация, липа. Дальше преобладают березы, дубы. Клены и тому подобные деревья.

Сад громадный и обступает, как я уже упоминал, дом с трех сторон, причем одной из них граничит с чистым двором во всю его ширину. Малинник находится в конце его, а за ним раскинулся чуть ли не на три десятины второй, фруктовый, в одном месте соприкасающийся с черным двором.

Не знаю, как теперь, а тогда они содержались в образцовом порядке, особенно плодовый, как доходная статья. Там деревья, обмазанные желтой глиной до половины ствола желтой глиной, стояли правильными рядами. Вдоль дорожек росли кусты крыжовника и смородины всех сортов. Ягоды давно уже были сняты, но яблоки, груши и сливы, по большей части еще не дозрелые, гнули ветви к земле.

В центре стоял крытый прошлогодней соломой шалаш, в котором жил сторож. Его должность была синекурой, как сообщила мне Ирина, потому, что у крестьян есть свои сады и воровать здесь некому.

Сидя у порога, старик строгал какой-то деревянный обрубок. Заметив наше приближение, он встал и, моргая красно-

ватыми, слезящимися глазами, низко поклонился.

Этот сторож в рубахе и штанах из небеленного крестьянского полотна, босой, весь обросший седыми, с желтизной, волосами (они росли у него пучками даже из ноздрей и ушей), с изрытым морщинами лицом, сгорбленный от тяжести лет, лежавших на его плечах, представлял рядом с своим примитивным жилищем весьма живописную картину.

Любуясь изобилием и красочностью плодов, среди которых мы проходили и с наслаждением вдыхая их запах, я почти молча слушал болтовню своей спутницы. Она говорила о разных пустяках, задавала массу вопросов. Часто сама же на них отвечая и отчаянно кокетничала со мной взглядами, голосом, движениями.

Ирина не красавица. Рот ее немного черезчур велик и ал, овал лица неправильный. Но все же она хороша. Цвет лица у нее матово-бледный с чуть-чуть пробивающимся румянцем. Тенью румянца. Нос тонкий. Сухой, с горбинкой, глаза большие, черные, очень блестящие.

Со своей тонкой, гибкой фигурой и живыми, грациозными жестами она казалась прелестной и женственной. Кроме того, от всего ее существа излучалось какое-то неизъяснимое очарование. Что-то необыкновенно волнующее и притягивающее. Так что я, не смотря на свою дружбу с Сергеем и опасения за его здоровье, начинал поддаваться ее обаянию и невольно подумал:

– Вот женщина, которая могла бы весь мир увидеть у сво-

их маленьких ножек! Но зачем она так кокетничает? Сережа писал, что его невеста скромна и стыдлива, как Диана... Может быть, хочет испытать меня? Или – поссорить Сергея со мной? Ошибешься, голубушка! Не пройдет твой номер...

Так говорил я мысленно, а между тем, какая-то непобедимая сила с каждой минутой, с каждым мгновением сильнее влекла меня к этой девушке. И я не мог не сознавать этого.

Ирина казалась мне все очаровательней, все обольстительней... Мое сердце забилося быстрее, голова запылала. Мы в это время были уже в малиннике. Девушка довольно лениво искала крупные, перезрелые ягоды, шутя и дразня меня тем, что ей попадаются самые крупные.

Я старался овладеть собой, убеждая себя:

– Что с тобой?! Опомнись! Ведь, она же – невеста Сережи... Это низко, подло... Да она первая обольет тебя презрением, если что-нибудь заметит!

Наконец, мне удалось усилием воли победить себя и успокоиться. Внезапная вспышка страсти, минутная власть тела над душой... Вот, уже все и прошло. С кем не бывает?... Но, будь спокоен, Сережка, не я причину тебе страдание!

С этой решимостью я завел разговор о Домбровском., о его болезни, но молодая девушка, смеясь зажала мне рот своей ручкой.

– Вот еще, нашли о чем говорить! – капризно протянула она. _ Ешьте уж лучше малину. Это все-таки, интереснее.

– Ирина Артемьевна!.. Вы, конечно, шутите... – расте-

рянно пробормотал я, отшатнувшись. Это прикосновение... И как отнестись к ее словам?

– Зачем так длинно? Просто – Ира. И вовсе я не шучу, – с внезапной серьезностью добавила она.

Я с изумлением посмотрел на нее. Как?! Так, значит, мое предположение было правильно? Она успела уже разлюбить Сергея?.. Или же это – игра, игра со мной? Необходимо это выяснить.

– Но, Ирина... Ира, подумайте о том, что вы говорите!

– А что? – наивно спросила она, как-то странно глядя мне прямо в глаза.

– Малина – вас – больше интересует, чем здоровье – жениха? – с расстановкой произнес я и поставил вопрос ребром: – Следовательно, вы его не любите?

Сказал, и ждал ответа. Как то она отнесется к моим словам? Смутиится? Обидится? Или рассмеется? Но девушка только смотрела на меня. И теперь я ясно прочел в ее взгляде: «Ну, конечно же, не люблю его, потому что люблю тебя».

Догадавшись по выражению моего лица, что я понял немой ответ, Ирина закрыла свое обеими руками и выбежала из малинника. Пораженный, я импульсивно, ни о чем не думая, поспешил за нею.

Она ждала меня в нескольких шагах. И в ее сияющих глазах горел такой горячий, такой властный призыв, что моя кровь буйно вскипела и бросилась мне в голову. А Ирина близко-близко подошла ко мне и, потупившись, тихо, упав-

шим голосом, произнесла :

– Да, Гриша... Я не знаю, что делается со мною сейчас. Но – вы правы... его я больше не люблю... Никогда не любила... по настоящему. Теперь я поняла... Это было ошибкой...

О, как близко была она!.. Ее дыхание касалось моих губ, я слышал запах ее тела, видел нежность кожи, трепет опущенных ресниц... и рот, рот, как кровавый, пьянящий цветок...

Какой-то знойный вихрь подхватил меня и закружил. Я не в силах был бороться с ним и, дрожа, протянул руки к девушке. Но она ловким движением выскользнула из готовых уже сомкнуться моих объятий, сделала прыжок и – исчезла в чаще орешника.

Безумие, овладевшее мною, заставило меня бежать за нею. Ирины не было видно. Только шелест ветвей вдали говорил о том, что она где-то здесь. Но где? Отуманенный рассудок не мог сообразить направления и неся наугад.

Нетерпеливо раздвигая ветви, спотыкаясь. Тяжело дыша, я всем существом своим стремился догнать девушку.

– Ирина! Ирина! – стонал я пересмякшими губами. – Ты само счастье! Ты – сама жизнь! Ирина, остановись! О, схватить тебя... Быть твоим рабом... и властелином! – больше для меня в эти мгновения ничего не существовало.

Не знаю, сколько времени продолжалась эта скачка. Вероятно, две – три минуты. Но вдруг мое возбуждение начало падать. Я замедлил свой бег... еще... и остановился, с ужасом спрашивая себя: куда я бегу? Что хочу сделать?..

Растерянный и сконфуженный, выбрался я на какую-то дорожку, раскурил дрожащими руками папироску и, сев на первую попавшуюся скамью, принялся упрекать себя:

– Ну, и хорош же ты, братец! Отличился, нечего сказать... Черт знает, что такое! Вот уж никогда не считал себя способным на такую подлость!... Как мало мы знаем самих себя! Сколько низости таится в нас!.. Да и она тоже хороша...

Чем дальше, тем происшедшее казалось мне невероятнее и гаже. И совесть все сильнее мучила меня. Еще бы невеста друга была до сих пор в моих глазах священна. Я гордился своей порядочностью. И, вот, когда этот друг болен, когда он позвал меня на помощь, я занимаюсь флиртом с его невестой...

Стоило хорошенькой девчонке сделать мне глазки, – и я забыл, кто она, забыл о Сереже, забыл о дружбе и чести... Какая низость!

Да и сделала ли еще? Ну, положим, сделала. Ее взгляды, ее слова – почти открытое признание. Главное выражение, которое она им придала... Бедный Сергей! Убил бобра, да-а...

немудрено, если он и свихнулся. Это наваждение какое-то, а не женщина...

Надо будет сегодня же серьезно поговорить с ним, узнать все и приложить все старания, что бы увезти его отсюда, вырвать из прелестных ручек этой юной Цирцеи. Я теперь ненавидел ее за то, что она превратила меня на одно мгновение в животное.

Успокоившись на этом решении, я встал и отправился разыскивать Домбровского. Мне казалось, что я взял верное направление, но ошибся и заблудился. Когда же я, наконец, вышел к тому месту, где мы оставили Сергея, там уже ничего не было.

Недовольный собою и всей этой историей, я опять плутал по дорожкам, стараясь выбраться к дому. Услыхав чьи-то голоса, я пошел на них. Стало слышно яснее. Без сомнения, это они – жених и «любящая» невеста... Идут, очевидно, по дорожке параллельной моей.

Я не собирался подслушивать, но то, что донеслось до меня из-за кустов, разделявших нас, заставило меня невольно затаиться и насторожить слух.

– Помни же, если ты проговоришься ему, если ты хоть одним словечком заикнешься ему о моем несчастье, – я возненавижу тебя! – понизив голос, но страстно, повелительно и угрожающе говорила Ирина. – Слышишь, Сережа? Возненавижу! И тогда между нами все будет кончено...

Ответа Домбровского я не расслышал, так как разговари-

вавшие удалялись. Я же стоял, закусив губу, неподвижно. Она сказала: будет все кончено. Следовательно, с вами, Гришенька, разыграли комедию? Маленькую комедию...

Ну, что, тем лучше! Для всех лучше. И, главное, – для Сережи. Что ж, отлично!.. Досадно, конечно. Что я такого дурака сваял... Попался на удочку хитрой девчонки. Но о каком же это несчастье она говорила? Почему ей так желательно скрыть его от меня?

Странное существо человек! Я искренно, сильно любил Сергея, желал ему добра, стыдился вспыхнувшего было во мне влечения к его невесте – и в то же время было неприятно, что Ирина только дурачила меня.

Громко насвистывая, я пошел дальше, но впереди ничего уже не было слышно, кроме щебетанья какой-то птицы. Я засвистал громче и почти тотчас откуда то сбоку раздалось звонкое: – Ау, Гриша!

Повернув туда, я увидел Сергея и Ирину. И опять мое сердце больно сжалось, так плохо выглядел мой приятель.

– А мы вас давно уже ищем, – сообщила молодая девушка и лукаво-лукаво добавила: – Хороша у нас малина? То-то, верно, полакомились!

Я насмешливо посмотрел на нее и с ударением ответил:

– Нет, слишком уже зрелая на мой вкус. Одну-две ягодки можно еще съесть, а больше – противно.

– Будто бы? – прищурившись спросила Ирина. – А чего же вы там так долго сидели?

– Тоже искал вас, да никак не мог ориентироваться.

– Да, здесь новому человеку не мудрено и заблудиться. — согласился со мной Домбровский.

– Ну, теперь ты, Сережа, будешь гидом своего друга, – сказала Аратынская, – а я вас покидаю. Пойду купаться. До – сви – да – ния, мсье.

Она бросила мне нежный, молящий взгляд, потом тихо засмеялась и, сорвав на ходу с одиноко стоящей яблони большое, прозрачное яблоко, ушла, подбрасывая его, как мяч.

11.

Оставшись вдвоем с Сергеем, мы медленно, молча пошли дальше. Я не решался заговорить, опасаясь, не скрываются ли где-нибудь в кустах не скоромные уши и, выжидательно посматривал на него. Как он изменился... Как страшно изменился!..

Возможно, что и он боялся того же. Подумав это, и горя нетерпением узнать, что он мне скажет, я произнес:

– Знаешь, что. Сведи-ка ты меня в поле... Я люблю простор, а туту все деревья и деревья. Мне тесно среди них.

– Сделай милость, пойдем, – видимо обрадовался он, поворачивая обратно.

Скоро сад остался за нами. Эта местность была мне не знакома. Дорога, по которой я приехал, проходила по другую сторону усадьбы. Перед нами же расстилались холмистые поля, почти опустевшие. Вдали кое-где маячили фигуры крестьян, свозивших последние снопы хлеба. Где-то в жни-

вье цвирикало одинокое насекомое, должно быть, кузнечик и высоко в небе реял коршун, высматривая добычу.

Домбровский шел сгорбившись и поминутно вытирая испарину со лба, хотя прямо в лицо нам дул сильный, свежий ветер. С трудом взойдя на вершину первого довольно крутого холма, он остановился под росшей там дикой грушей и, тяжело дыша, сказал:

– Сядем здесь, Гриша... Тут удобно... – он опустился на траву в тени, отбрасываемой деревом, и добавил: – Ты садись напротив, лицом ко мне. Так к нам никто не подойдет незамеченным.

– Ладно, – согласился я, следуя его совету. – Ну, рассказывай, рассказывай же, брат, что с тобой стряслось. Твои последние письма... Видишь, я прилетел к тебе...

– Ты подумал, что я сошел с ума. Правда? И поспешил приехать... Спасибо, Гриша, спасибо! Я был уверен, что на тебя можно положиться, что ты не бросишь меня в беде... Теперь у меня есть надежда, что мы ее спасем. Вдвоем легче... Да, но ты еще ничего не знаешь. Так слушай же, друг. Сейчас я все расскажу тебе... Только, не забудь, если ты увидишь Иру или даже кого-нибудь другого, сейчас же скажи мне...

Он говорил подробно и долго. Я слушал его внимательно, сперва с интересом, потом с изумлением... Затем, меня охватила жгучая скорбь и жалость к моему несчастному другу.

Закуривая папиросу за папиросой, я всеми силами старался скрыть от него впечатление, производимое его рассказом и для этого избегал его взгляда. А он говорил и говорил... Вот вкратце то, что я услышал от него тогда.

Объяснившись и узнав, что Ирина тоже его любит, он сразу взлетел выше седьмого неба. И некоторое время безмятежно парил там.

Окончив занятия с Борей, он бежал в сад, где его уже поджидала молодая девушка. И они больше не расставались до позднего вечера. Гуляли, мечтали. Целовались, одним словом, проделывали все то, что полагается влюбленным и были счастливы бесконечно. А, между тем, черные дни стояли уже у них за плечами.

Однажды, бродя по полям, они зашли дальше обычного, а солнце склонялось уже к горизонту. Что бы сократить путь, молодые люди, возвращаясь. Пошли через кладбище. Там было тихо, свежо, полно зелени и безлюдно. И так оба чувствовали легкую усталость, что и решили отдохнуть, благо до дома было уже недалеко, а тут, кстати, попалась грубо сколоченная скамеечка у чьей-то заброшенной могилы.

Прижавшись друг к другу, влюбленные долго сидели, обмениваясь редкими словами и частыми поцелуями. Время летело для них незаметно. Они совершенно забыли о том, что надвигается ночь и дома их ждут к ужину.

Ирина первая вспомнила об этом. Освободившись от объятий своего жениха, она с боязливым удивлением посмотре-

ла вокруг. Было почти совершенно темно. Днем кладбище не казалось ей страшным, вечером же она сюда не ходила. И теперь сердце ее почему-то тревожно сжалось.

– Идем, Сереженька, уйдем скорее отсюда. Мне что-то жутко стало... – боязливо шепнула молодая девушка, прижимаясь к нему.

Юноша попытался успокоить ее, но все же они встали и пошли к выходу, невольно оглядываясь по сторонам. В сгущавшейся тьме там и сям светлыми пятнами мелькали кресты, издали походившие на призрачные фигуры с протянутыми руками.

Иногда раздавался слабый, невнятный звук, походивший на треск сучка под ногой,.. слышался какой-то шорох... какое-то движение в траве и кустах... будто, кто-то невидимый, легко ступая, ходит там. Начиналась ночная жизнь.

Ирина все теснее прижималась к Домбровскому. Оба молчали. Вдруг над ними, тяжело взмахивая крыльями, пролетела какая-то большая птица и потонула в ночном мраке. Молодая девушка вздрогнула. Сергей чувствовал своей рукой, как сильно бьется ее сердце.

Почти одновременно с этим где-то впереди пронесся жалобный, неприятно- резкий плач ребенка.

– Что это? Дитя – здесь?! В такую пору?! – испуганно спросила Ирина, останавливаясь.

Домбровский тоже прислушивался, недоумевая. Но все было тихо. Они пошли дальше. Однако, глубокое молча-

ние спящего кладбища снова было нарушено детским плачем. Заинтригованный Сергей понял, что они приближаются к тому месту, откуда он исходит и готовился уже пуститься на поиски покинутого кем-то ребенка. Но в это время, закричав в двух шагах от них, птица снялась с дерева, и полетела прочь.

– Да это сова! О, чтоб ее!.. – невольно сорвалось у юноши. – Это сова кричала, детка. А ты встревожилась, Ириночка, да? – ласково спросил он, наклоняясь к лицу девушки и поцеловал ее.

– Да, мне страшно, Сережа, – прошептала она, пугливо всматриваясь в окружавший их мрак. – Я хотела бы быть уже дома...

– Скоро будем, Ируся, – бодро ответил он. – Будь добра только, подожди минутку, пока я закурю.

Девушка покорно исполнила его просьбу. Сергей, сунув папиросу в рот. Чиркнул спичкой о коробку, и торопливо спрятав в ладонях от ветра маленькое, робкое пламя, нагнулся к нему.

В этот момент из тьмы, окружавшей молодых людей, внезапно, как бы рожденный ею. Вынырнул кто-то высокий и, мягко ступая, пошел мимо них, задев слегка Ирину краем своего развевающегося черного плаща. Та задрожала и бросилась к Домбровскому.

Сергей бросил спичку и, успев рассмотреть лишь одну спину незнакомца тотчас же поглощенного мраком, вынул

папиросу изо рта и обнял другой рукой девушку.

– Что, опять испугалась, Ириночка? Ну, и трусишка ты! А еще говорила, что ничего на свете не боишься, – рассмеялся он.

Но его смех прозвучал почему то так странно, неприятно, что он поспешил оборвать его. Ирина ничего ему не ответила и они двинулись в дальнейший путь.

Когда молодая пара вышла на проселочную дорогу и увидела близкие огоньки села, мой друг освободился от овладевшего было им тягостного чувства и начал шутить. Но его шутки не находили ни малейшего отклика. Аратынская как-то притихла, ушла в себя, часто вздрагивала, особенно, когда мимо них проносилась летучая мышь и всю остальную дорогу была молчалива.

дома, на недовольное замечание матери, молодая девушка тоже промолчала, предоставив своему спутнику объясняться и оправдываться. Родители тогда еще не знали об их любви. Ирине нравилась эта тайна да и Сергею тоже.

Так как семья уже поужинала, то молодым людям пришлось сесть за стол вдвоем. Домбровский очень проголодался и ел с большим аппетитом, Ира же почти ни до чего не дотронулась. Она сидела задумчивая и рассеянная, глядя невидящими глазами, не слыша задаваемых вопросов или отвечая на них невпопад.

Встав из-за стола, девушка тотчас же ушла к себе, рассеянно попрощавшись с недоумевающим и огорченным женихом. Он часа два сидел на балконе, надеясь, что Ира ушла только для вида и когда все улягутся, вернется к нему. Но его ожидания не сбылись.

Сережа долго не спал в ту роковую ночь. На дворе тоскливо выли собаки, повидимому, сбившись в кучу. И ему казалось, что в их голосах ясно звучит страх перед какой-то опасностью.

Считая это игрой своего воображения, он ворочался на кровати, тщетно стараясь догадаться за что рассердилась на него обожаемая им девушка.

На следующее утро она вышла из своей комнаты поздно,

прямо к завтраку, бледная, усталая, еще более углубленная в себя, но со странно, по-новому, сияющими глазами.

Сергея она как бы не замечала и после завтрака сразу исчезла, не обменявшись с ним хотя бы парой слов. Тяжело вздохнув, юноша отправился заниматься с Борей. Занятия в этот день шли плохо и, отпустив мальчика раньше обычного, юноша бросился отыскивать Ирину.

Он обошел весь дом, обегал все ее любимые уголки в саду, – девушки нигде не было. В течение целого дня ему не удалось даже на минутку остаться с нею наедине.

Ирина явно избегала его. вынужденная отвечать на его вопросы при других, она делала это так неохотно, пренебрежительно, с таким нескрываемым принуждением, что бедняга от огорчения совсем потерял голову.

Решительно не находя за собой никакой вины и не понимая, что могло вызвать такую резкую перемену в отношении девушки к нему, Домбровский питал надежду, что это – просто шутка, кокетство, желание подразнить его и ждал вечера с нетерпением

Не будет же она долго мучить его, переложит гнев на милость и, наверное, останется посидеть с ним на балконе...

Но надежда снова обманула его. И так продолжалось несколько дней. Приходилось поверить, что это – серьезно и Сергей страдал невыносимо, безрезультатно ища случая хотя бы объясниться со своей ненаглядной мучительницей.

Наконец, ему как-то удалось встретить ее в саду одну.

Аратынская хотела было и на этот раз скрыться, но Домбровский решительно загородил ей дорогу.

– Ира, я не могу больше... – дрожащим голосом произнес он. – Скажи, по крайней мере, в чем я провинился перед тобой. Невольно, конечно, потому что сознательно я не обидел бы тебя.

Она стояла перед ним, сердито закусив губку, хмуря свои бархатные брови, потупив глаза, бледная, но прелестная, и медлила ответом. Потом небрежно уронила :

– Ну, нив чем.

– Голубчик, детка моя родная! Тогда что же все это означает? За что ты мучаешь меня, злая? Или надоел я тебе, разлюбила?.. – робко, умоляюще спросил Сережа, ожидая услышать опровержение из любимых уст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.